

Научная статья

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-16-26

Об эпистемической зависимости

Александр Анатольевич Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

В статье рассматривается тезис об эпистемической зависимости, проблематизирующий современные представления о природе знания, его исторические и методологические предпосылки, а также следствия для понимания эпистемической рациональности. Показаны как нежелательные следствия его некритического принятия (такие как возможный разрыв между знанием и пониманием), так и возможность его трактовки в более общем социальном контексте – как конфликта эпистемических интересов. Отмечена важность этого феномена для анализа коллективного знания и коллективной рациональности.

Ключевые слова

знание, субъект познания, социальная эпистемология, эпистемические конфликты интересов, постправда, понимание, эпистемическая рациональность

Для цитирования

Шевченко А. А. Об эпистемической зависимости // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 16–26. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-16-26

On epistemic dependence

Alexander A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

The article considers the thesis of epistemic dependence, which problematizes the current ideas about the nature of knowledge, its historical and methodological premises. It shows both undesirable consequences of its uncritical acceptance (such as a possible gap between knowledge and understanding) and the

© Шевченко А. А., 2024

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2024. Том 22, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2024, vol. 22, no 1

possibility of its interpretation in a more general social context, as a conflict of epistemic interests. It also highlights the need to consider this phenomenon in the analysis of collective knowledge and collective rationality.

Keywords

knowledge, epistemic agent, social epistemology, epistemic conflicts of interest, post-truth, understanding, epistemic rationality

For citation

Shevchenko A.A. On epistemic dependence. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 16–26. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-16-26. (in Russian)

Недавняя пандемия COVID-19 заставила задуматься о ряде проблем, которые обычно остаются предметом узкоспециального рассмотрения. В условиях быстро меняющейся и противоречивой информации возникла острая необходимость самостоятельно оценивать степень достоверности экспертного знания из самых разных источников, «принимать на веру» медицинские рекомендации, часто не понимая лежащих в их основе фактов, добровольно подчиняться непопулярным решениям, координируя свои жизненно важные действия с решениями и действиями больших групп посторонних людей. Столкнувшись с новым вирусом, люди попали в зависимость от многочисленных источников противоречивой информации, на которую им приходилось полагаться для интерпретации медицинских данных, оценки рисков, получения лечебных рекомендаций. В похожей зависимости оказались и органы управления, которые также попали в ситуацию информационной перегрузки и неопределенности, при этом вынуждены были принимать ряд неотложных мер: вводить и отменять локдауны, масочный режим, ограничения на поездки, перепрофилировать и открывать медицинские учреждения.

За пандемией последовала инфодемия. ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО и ряд других организаций выпустили совместное заявление о необходимости борьбы с инфодемией, в котором отмечалось, что «инфодемия представляет собой переизбыток как онлайн, так и офлайн информации. Она включает в себя намеренные попытки распространения ложных сведений в целях срыва ответных мер общественного здравоохранения и продвижения альтернативных групповых или индивидуальных целей»¹.

Интересующую нас теоретическую проблему можно сформулировать следующим образом: каким в подобных экстремальных условиях должно быть поведение рационального субъекта познания и действия? Желаемое дополнительное условие состоит в том, чтобы избежать слишком больших разрывов между требованиями практической и эпистемической рациональности с одной стороны, и ин-

¹ См.: «Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации (Совместное заявление ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНЭЙДС, МСЭ, инициативы ООН «Глобальный пульс» и МФКК)» (23 сентября 2020) // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения (<https://www.who.int/ru>). URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения 28.01.2024).

дидуальной и коллективной рациональности, с другой. Для рассмотрения этой ситуации мы будем использовать теоретическую рамку и терминологию «эпистемической зависимости». В процессе будут рассмотрены две серьезные проблемы, сопровождающие подобные инфодемии и вытекающие из необходимости полагаться на чужие мнения при принятии жизненно важных решений. Первая – это уже упомянутая ситуация «знание без понимания», когда вследствие недостатка, переизбытка или сложности информации мы вынуждены принимать за истину некоторые положения, не понимая их сути. Такая ситуация, вообще говоря, совершенно обычна – так, мы «знаем» множество законов различных наук и фактов о мире, не обязательно понимая их природу. В рассматриваемом нами случае ситуация обостряется потому, что речь идет о жизненно важных индивидуальных решениях. Второе следствие рассматриваемой ситуации состоит в том, что инфодемии такого рода теперь уже привычно описываются как ситуации «постправды». Мы примем доброжелательную интерпретацию концепции «постправды» Стивена Фуллера [Fuller, 2018], которая поможет сделать полезный шаг назад к «просвещенческому», кантовскому императиву рациональности, требующему следовать своему собственному разуму или, по крайней мере, критически относиться к признанным авторитетам. Проблема осложняется не только снижением доверия к экспертному знанию в потоке противоречивой информации [Маслов, 2020], но и наличием многочисленных конфликтующих интересов различных стейкхолдеров. В нашем примере это органы управления, производители и потребители вакцин, средства массовой информации, туристические лобби и др. Для лучшего понимания этой сложной ситуации мы используем концепцию конфликта эпистемических интересов, предложенную Бейзиллом Мюллером [Muller, 2022], которая помогает осмыслить эти конфликты как компромиссы между постулатами рациональности разных типов и уровней в ситуациях вынужденных коллективных действий.

Основной тезис состоит в том, что ситуации, подобные вышеописанным, требуют уточнения представлений об эпистемической рациональности, а именно – ослабления представлений о субъекте познания как о некоем идеализированном существе, обладающим всей полнотой информации и полным набором эпистемических добродетелей. Необходим переход к более «скромным» и реалистичным версиям, включающим, в частности, признание недостаточности собственных познавательных ресурсов, признание зависимости от других субъектов познания и внешних факторов. Кроме того, ряд ситуаций требует снижения и «познавательных амбиций», в частности, признания того, что не все познавательные цели могут быть достижимы. Так, зачастую приходится ограничиваться знанием некоторых фактов, признавая невозможность их понимания конкретными субъектами познания в конкретной познавательной ситуации.

Общие представления об эпистемической зависимости

Одной из первых публикаций, в которой «эпистемическая зависимость» стала предметом специального рассмотрения, была статья Джона Хардвика [Hardwig, 1985], в которой это понятие использовалось для обоснования возможности ра-

ционально принимать убеждения, в отношении которых лично у нас отсутствуют соответствующие свидетельства (evidence). Вообще говоря, язык «зависимости» – это просто другой способ говорить о привычных вещах. В самом простом и тривиальном смысле можно сказать, что все эпистемические конструкты и установки в некотором смысле зависят друг от друга. Так, знание (в его классическом трехчастном определении) «зависит» от убеждения, от его обоснования и соответствия этого убеждения положению дел в мире. Более узкое понимание эпистемической зависимости предполагает зависимость одного убеждения от другого. Например, Роберт Audi в еще более ранней статье писал: «Эпистемическая зависимость это... (грубо говоря) вид отношения между одним убеждением и другим убеждением (или между убеждением и чем-то еще), когда первое зависит от второго либо для того, чтобы считаться знанием, либо используя его как обоснование» [Audi, 1983, p. 119].

Если в традиционной эпистемологии акцент делается на зависимости одних эпистемических установок от других, то в социальной эпистемологии, принимающей во внимание коллективную природу знания, эпистемическая зависимость обычно понимается как отношение между двумя и более субъектами познания, когда один из них зависит от результатов труда другого. Как правило, отношение между этими двумя индивидами является «асимметричным с точки зрения авторитетности» [Wagenknecht, 2016, p. 110]. Одним из выражений этой проблематики стал язык эпистемической справедливости, когда зависимый характер отношений возникает вследствие либо несправедливого распределения эпистемического труда, либо несправедливого приписывания статусов. Рамки эпистемической справедливости привносят в проблему эпистемической зависимости этическое измерение. В общем виде эпистемическую справедливость / несправедливость можно определить так: «Эпистемическая несправедливость – это несправедливость по отношению к человеку, выступающему в качестве источника знания (knower)» [Fricker, 2007, p. 1]. Несправедливой ситуация является тогда, когда доступ к знанию и полномочия по формированию требований к знанию распределены неравномерно в силу каких-то устойчивых предубеждений и дисбалансов сил. Это ставит в невыгодное положение маргинализированные группы и препятствует достижению эпистемической справедливости. Эпистемическая зависимость может усугублять эту несправедливость, особенно когда определенные группы систематически дискредитируются или исключаются из процессов производства и распространения знаний.

Хотя термин «эпистемическая зависимость» может показаться непривычным, сама идея, конечно, не нова. Традиционно в истории мысли всегда ценилась исключительная роль учителей и авторитетных текстов для обучения, познания и понимания. Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, Аль-Фараби и многие другие мыслители подчеркивали важность следования авторитетам и традициям, напоминая, что большую часть того, что нам известно, мы знаем благодаря нашим учителям и предшественникам, которым мы доверяем. Забегая вперед, отметим, что речь шла как раз о взаимодействии и зависимости одних субъектов познания от других, к чему мы снова вернемся на этапе возникновения и развития социальной эпистемологии.

В Новое время и эпоху Просвещения, как известно, имел место сдвиг в сторону индивидуализма и скептицизма. Познавательный эгоцентризм Рене Декарта, его «Правила для руководства ума» и методологическое сомнение, растущая популярность воображаемых разговоров со скептиком, призывы Иммануила Канта «иметь мужество пользоваться своим собственным рассудком» и «достичь, наконец, возраста совершеннолетия», сместили акцент на ценность самостоятельного научного и критического мышления. Знание по преимуществу стало пониматься как результат индивидуальных усилий конкретного познающего субъекта.

Однако после того как образовалась и начала развиваться социальная эпистемология, в фокусе внимания вновь оказалась зависимость межличностная или, точнее, межсубъектная – одних исследователей и научных коллективов от других. Методологическим основанием такого понимания является *анти-индивидуализм*, суть которого состоит в том, что субъекты вообще и субъекты познания в частности в первую очередь понимаются как социальные существа, чей доступ к знаниям во многом определяется взаимодействием с другими людьми и их опытом. Так понятая эпистемическая зависимость помогает справиться с проблемами, с которыми столкнулась в свое время эпистемология добродетелей, в частности предложить ответ на вызов ситуационизма. Основная идея «эпистемологии добродетелей», как известно, состоит в том, что за знание «отвечают» интеллектуальные добродетели конкретного индивида. Вызов т.н. «ситуационизма», возникшего в 1990-е годы и имевший начало в эмпирической психологии (см., в частности многочисленные обсуждения эксперимента Милгрэма), состоит в указании на то, что эмпирические данные не позволяют говорить о наличии у человека каких-либо устойчивых черт характера или добродетелей, которые бы оставались неизменными в различных ситуациях. «Мы весьма уверенно приписываем черты характера другим людям, чтобы объяснить их поведение. Но наши атрибуции, как правило, оказываются совершенно неверными, и на самом деле нет никаких доказательств того, что люди различаются по чертам характера. Они различаются по ситуациям и по их восприятию ситуации. Они различаются по своим целям, стратегиям, неврозам, оптимизму и т. д. Но черты характера не объясняют, в чем заключаются различия» [Harman, 1999, p. 329]. Эта общая критика этики добродетелей впоследствии была распространена и на соответствующие концепции в эпистемологии.

Для защиты ключевых положений эпистемологии добродетелей как раз и пригождается идея эпистемической зависимости, что и использует Дункан Притчард. Он определяет «эпистемическую зависимость» как зависимость чего-либо знания от факторов, находящихся за пределами его познавательной способности (*cognitive agency*)» [Pritchard, 2015, p. 305]. Если допустить, что получение знания в некоторых случаях может зависеть от внешних факторов, находящихся вне сознательного контроля субъекта познания, то идея эпистемической зависимости как раз и позволяет ослабить концепцию эпистемической добродетели (такую ослабленную версию Д. Притчард называет «скромной») [Pritchard, 2014], учесть роль внешних факторов, сохраняя при этом ее основные положения (ключевую роль интеллектуальных добродетелей).

Такое ослабление, переход к более скромному (*modest*) варианту эпистемологии добродетелей позволяет индивиду сохранять искомую эпистемическую рациональность, устанавливая в то же время связи с другими эпистемическими субъектами, индивидуальными и коллективными, моделируя, таким образом, более реалистичную эпистемическую идентичность. При этом возникают, конечно, и новые угрозы и опасности. Рассмотрим две из них: ситуацию, которую можно определить как «знание без понимания» и феномен «постправды», ставший в последние годы модной темой обсуждения.

Знание без понимания (проблема «когнитивного аутсорсинга»)

Одну из важных проблем, связанных с некоторыми формами эпистемической зависимости, можно проиллюстрировать с помощью мысленного эксперимента, предложенного Бенуа Голтье [Gaultier, 2021]. Он описывает некоторое гипотетическое устройство «нейромедиа», обеспечивающее мгновенный и надежный доступ к информации. Хотя на первый взгляд эта технология кажется полезной, Б. Голтье утверждает, что в конечном итоге она лишит нас понимания – важнейшего и, возможно, самого ценного эпистемического блага. Мы знаем, что традиционно центральной категорией эпистемологии считалось, да и продолжает считаться знание. Однако в силу ряда причин, в частности трудностей по выполнению желаемых требований к обоснованию (в классическом определении знания как обоснованного истинного убеждения), высокий статус знания как главной цели и ценности познания нередко подвергается сомнению. При этом основным альтернативным кандидатом на роль главной познавательной ценности все чаще называется не знание, а понимание, представление о том, что конечной целью наших познавательных усилий является все же не «обоснованное истинное мнение», а понимание окружающей действительности и овладение способами взаимодействия с ней.

В предложенном мысленном эксперименте дилемма заключается в следующем: если наша главная цель – получение знания и успешное его использование, то разработка и применение «нейромедиа» представляются полезными. Однако если понимание имеет более высокую эпистемическую и моральную ценность, то мы не должны использовать такие технологии, даже если они предлагают, казалось бы, легкий и удобный доступ ко всей необходимой информации. Здесь мы также имеем дело с частным случаем более общей проблематики «генетического совершенствования». Какими могут быть этические последствия рассмотренного нами когнитивного совершенствования, каковы потенциальные риски и преимущества технологий, изменяющих наши когнитивные способности, и как мы должны решать эти этические дилеммы?

Мысленный эксперимент с нейромедиа представляет собой крайний случай когнитивного аутсорсинга. В реальности мы участвуем в различных формах эпистемической зависимости, начиная с опоры на экспертов и заканчивая использованием поисковых систем. Более тщательный анализ должен учитывать степени и типы зависимостей, контексты, в которых они возникают, и их различное влияние на понимание. «Когнитивный аутсорсинг», как добровольный, так и вы-

нужденный, создает ситуацию, когда благодаря большому количеству экспертных источников мы можем получать знание о чем-то без понимания сути явления или процесса. Такая ситуация становится все более распространенной вследствие растущего разрыва между компетенциями экспертов и широкой публики. По мере того как мы все больше полагаемся на внешние источники, наши собственные когнитивные способности могут атрофироваться, что приведет к усилению зависимости и дальнейшему ухудшению понимания.

В своем мысленном эксперименте Б. Голтье делает акцент на индивидуальных последствиях использования «нейромедиа», но широкое распространение такой технологии будет иметь и глубокие социальные последствия. В частности, это может привести к радикальному перераспределению эпистемического труда, когда одни люди или группы людей будут специализироваться на понимании, а другие станут преимущественно потребителями знаний, полученных извне. В связи с этим возникают вопросы о потенциале эпистемического неравенства и социальных последствиях для общества, в котором понимание сосредоточено в руках немногих. Такой вид эпистемической зависимости создает угрозу воспроизведения эпистемической несправедливости на более высоком уровне, когда разрыв между новыми элитами и широкой публикой станет уже непреодолимым.

«Постправда» – зло или освобождение от эпистемической зависимости?

Хотя обычно термин «постправда» используется в негативном ключе, неверно было бы считать его синонимом лжи, скорее это «пролиферация истин», когда лицензию на высказывание по самым разным темам получают (точнее, присваивают) люди, не имеющие официального признания в качестве экспертов. Мы согласны с доброжелательной интерпретацией этого феномена известным социальным эпистемологом Стивеном Фуллером [Fuller, 2018]. Он признает, что феномен «постправды» обычно связывают с девальвацией экспертизы и экспертного знания, умножением числа самопровозглашенных экспертов, заявляющих о своем праве на производство истин. Однако в отличие от большинства социальных теоретиков, рассуждающих о «постправде» исключительно как о социальном зле, средстве обмана и манипуляции, оценка С. Фуллера не столь однозначна. В его доброжелательной интерпретации этот феномен представлен как инструмент, позволяющий максимально демократизировать доступ к знанию. По его мнению, привычные атрибуты академических экспертов, такие как сертификаты, дипломы и мантии служат лишь прикрытием для защиты корыстных профессиональных интересов, а само «экспертное знание» является лишь инструментом получения академической ренты [Fuller, 2018, ch. 4].

При этом оснований сохранять такое положение дел все меньше, так как в современных демократических обществах доля людей, получивших университетское образование, как никогда высока. Кроме того, эти человеческие ресурсы объединены сейчас в самые разные социальные сети, прежде всего посредством информационных технологий. Доступ к информации уже не требует академических или корпоративных привилегий. Соответственно, у индивида или группы имеется все меньше оснований претендовать на особый или исключительный статус эксперта.

Такая трактовка текущей ситуации «постправды» может пониматься как лицензия или инструмент для существенного ослабления эпистемической зависимости, по крайней мере от официально признанных «экспертных» источников информации. Более того, ее также можно считать и мощным революционным средством борьбы с уже упомянутой «эпистемической несправедливостью», так как такая доброжелательная трактовка «постправды» фактически обесценивает формальные «экспертные» привилегии, уравнивая людей не только в потреблении, но и в производстве истин. Возвращаясь к примеру с пандемией, можно вспомнить целый ряд ситуаций, когда такая «новая экспертиза» играла положительную роль, ставя под сомнение данные официальных экспертов, вынуждая производителей вакцин предлагать обществу более качественные аргументы и обоснование эффективности своих препаратов. Конечно, как и у любой медали здесь есть и обратная сторона, которая проявилась, например, в том же отрицании эффективности вакцинации вообще.

Эпистемические конфликты интересов как общая рамка для понимания эпистемической зависимости

Перспективную, по сути социологическую, рамку в попытке задать полноценное социологическое измерение для эпистемологии предлагает Бейзил Мюллер [Muller, 2022], предлагающий рассматривать по аналогии с («обычными») конфликтами интересов и соответствующей терминологией также *эпистемические конфликты интересов*. Подобно стандартным конфликтам интересов, эпистемические подразумевают столкновение между нормативно первичным интересом (формирование и распространение истинных убеждений) и вторичными интересами (например, поддержание социального статуса, минимизация когнитивных усилий). Эпистемическую зависимость в таком случае можно трактовать как зависимость одних эпистемических целей от других, как правило – целей более высокого порядка от менее важных с точки зрения достижения эпистемических целевых и ценностных установок.

При этом такие конфликты интересов носят не единичный характер, это скорее системная проблема эпистемически взаимозависимых социальных групп. Нашему стремлению к истине препятствует огромное количество вторичных интересов – от сиюминутных и повседневных до социальных и политических, что имеет глубокие последствия для понимания социальной динамики, политического дискурса и даже научного прогресса. Такое расширение социального контекста показывает ограниченность традиционных взглядов, которые приписывают эпистемические неудачи исключительно индивидуальным недостаткам. Хотя отдельные познающие субъекты несут определенную ответственность за свои убеждения, Б. Мюллер подчеркивает влияние социальных структур, стимулов и неэпистемических эффектов, которые влияют на наши убеждения.

Этот более широкий взгляд предполагает, что для решения даже чисто познавательных проблем требуется нечто большее, чем просто поощрение индивидуальной (эпистемической) рациональности. Таким решением (как нормативным, так и практическим) полагаются «социальные эпистемические нормы»,

необходимые для регулирования таких конфликтов и развития эпистемического сотрудничества. Эти нормы функционируют как своего рода «невидимая рука», направляющая наше эпистемическое поведение, в частности, через «механизмы санкций и управления репутацией» [Muller, 2022, p. 304]. В этой теоретической схеме эпистемическая зависимость получает интерпретацию в относительно привычном для нас воплощении – в форме социальных конфликтов взаимодействующих индивидов, преследующих разные эпистемические ценности и цели.

Следствия для эпистемической рациональности

Признавая масштаб и роль эпистемической зависимости, необходимо как-то корректировать концепцию эпистемической рациональности, которая традиционно строится на основе интеллектуальной автономии [Шевченко, 2018]. Предлагаемая здесь конструкция в общем виде выглядит следующим образом: концепция эпистемических конфликтов интересов является некоторой более социологизированной версией представлений о коллективной и индивидуальной рациональности в области эпистемологии. Язык конфликтов эпистемических интересов позволяет выстраивать самые разнообразные варианты, степени и иерархии эпистемических зависимостей – как на уровне интересов и целей, так и на уровне индивидов и коллективов, что позволяет также учитывать трудности, возникающие при конфликте постулатов индивидуальной и коллективной рациональности и хорошо описанные, в частности, с помощью различных теоретико-игровых моделей. Рамка эпистемических конфликтов интересов является, таким образом, наиболее общей эвристической схемой, позволяющей упорядочить представления о различных эпистемических зависимостях и эпистемической рациональности в целом. В то же самое время внутри этой рамки находятся конкретные индивиды, которые часто оказываются в экстремальных (с информационной точки зрения) ситуациях и вынуждены принимать жизненно важные решения. Для реалистичной оценки пределов индивидуальной эпистемической рациональности, особенно в ситуациях, подобных вышеописанным, перспективными представляется движение в сторону ослабления требований к индивидуальному субъекту. Это может быть сделано в различных вариантах, здесь были рассмотрены три из возможных: 1) за счет ослабления требований к «эпистемически добродетельному» субъекту, приняв во внимание неизбежность эпистемической зависимости и перейдя на более «скромную» версию эпистемологии добродетелей; 2) посредством признания неизбежности ситуаций, в которых мы как эпистемические субъекты вынуждены принимать нечто за знание, не понимая его природы («знание без понимания»); 3) снижая или отменяя строгие формальные барьеры, позволяющие получать официальный статус «эксперта» с соответствующими полномочиями и привилегиями на производство истин.

Список литературы

Маслов Д.К. Проблема доверия экспертному знанию // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 453. С. 63–70.

- Шевченко А. А.** Эпистемическая рациональность: нормативное измерение // *Философия науки*. 2018. № 4(79). С. 23–33.
- Audi R.** Foundationalism, epistemic dependence, and defeasibility // *Synthese*. 1983. Vol. 55, No. 1. P. 119–139.
- Fricker M.** *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford University Press, 2007. 208 p.
- Fuller S.** *Post-Truth: Knowledge As A Power Game*. L.: Anthem Press, 2018. 207 p.
- Gaultier B.** When is epistemic dependence disvaluable? // *Thought: A Journal of Philosophy*. 2021. No. 10 (3). P. 178–187.
- Hardwig J.** Epistemic dependence // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82. No. 7. P. 335–349.
- Harman G.** Moral Philosophy Meets Social Psychology: Virtue Ethics and the Fundamental Attribution Error // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1999. Vol. 119. P. 316–331.
- Muller B.** Epistemic Dependence, Cognitive Irrationality, and Epistemic Conflicts of Interests // *Logos and Episteme*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 287–313.
- Pritchard D.** Re-Evaluating the Situationist Challenge to Virtue Epistemology // Flanagan O., Fairweather A. (Eds.) *Naturalizing Virtue*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 143–154.
- Pritchard D.** Epistemic dependence // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29. No. 1. P. 305–324.
- Wagenknecht S.** *A Social Epistemology of Research Groups*. Palgrave Macmillan, 2016. 196 p.

References

- Audi R.** Foundationalism, epistemic dependence, and defeasibility // *Synthese*. 1983. Vol. 55, No. 1. P. 119–139.
- Fricker M.** *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford University Press, 2007. 208 p.
- Fuller S.** *Post-Truth: Knowledge As A Power Game*. L.: Anthem Press, 2018. 207 p.
- Gaultier B.** When is epistemic dependence disvaluable? // *Thought: A Journal of Philosophy*. 2021. No. 10 (3). P. 178–187.
- Hardwig J.** Epistemic dependence // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82. No. 7. P. 335–349.
- Harman G.** Moral Philosophy Meets Social Psychology: Virtue Ethics and the Fundamental Attribution Error // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1999. Vol. 119. P. 316–331.
- Maslov D. K.** The Problem of Trust for Expert Knowledge // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. No. 453. P. 63–70. (in Russian)
- Muller B.** Epistemic Dependence, Cognitive Irrationality, and Epistemic Conflicts of Interests // *Logos and Episteme*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 287–313.
- Pritchard D.** Re-Evaluating the Situationist Challenge to Virtue Epistemology // Flanagan O., Fairweather A. (Eds.) *Naturalizing Virtue*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 143–154.

- Pritchard D.** Epistemic dependence // Philosophical Perspectives. 2015. Vol. 29. No. 1. P. 305–324.
- Shevchenko A. A.** Epistemic Rationality: the Normative Dimension // Filosofiya nauki. 2018. No. 4(79). P. 23–33.
- Wagenknecht S.** A Social Epistemology of Research Groups. Palgrave Macmillan, 2016. 196 p.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Information about the Author

Shevchenko Alexander Anatolyevich, Doctor of Sciences (Philosophy)
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS

*Статья поступила в редколлегию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 20.02.2024*

*The article was submitted 30.01.2024;
approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 20.02.2024*